

БЕТТИ ГОЛЬБРАЙХ
совместно с РЕБЕККОЙ ПЕЙЛИ

СТИЛЬ — ЭТО НЕ ПРО ОДЕЖДУ

УРОКИ ЖИЗНИ, СТИЛЯ И СТОЙКОСТИ
ОТ ЖЕНЩИНЫ,
КОТОРАЯ НЕ ПОДДАВАЛАСЬ ТРЕНДАМ

УДК 82-94+159.9
ББК 88.353
Г63

Betty Halbreich with Rebecca Paley
No One Has Seen It All:
Lessons for Living Well from Nearly a Century of Good Taste

Данное издание опубликовано с согласия Running Press Adult, импринта Workman Running Press, дочерней компании Hachette Book Group, Inc., NY, USA через Игоря Корженевского из агентства Александра Корженевского (Россия).

Все права защищены.

Перевод с английского языка А. Логиновой
Предисловие Лены Данэм
Совместно с Ребеккой Пейли

Гольбрайх Б.

Г63 Стиль — это не про одежду. Уроки жизни, стиля и стойкости от женщины, которая не поддавалась трендам / Б. Гольбрайх ; [пер. с англ. А. Логиновой]. — М. : Колибри, издательство АЗБУКА, 2026. — 240 с. — (Иконы стиля)

ISBN 978-5-389-29816-3

Представьте себе, мудрую, остроумную и бесконечно честную женщину, которая прошла через все: брак, развод, нервный срыв, блистательную карьеру в роскошном универсаме Bergdorf Goodman и одиночество. И прошла с гордо поднятой головой, улыбкой и ясным взглядом.

Это Бетти Гольбрайх.

В этой книге она делится не секретами моды, а секретами стойкости. Она была домохозяйкой, а потом к ее советам прислушивались ведущие стилисты Голливуда. Бетти знает: самый важный наряд — это самоощущение и уверенность. Она научит вас быть собой, находить утешение в простых ритуалах, с достоинством принимать вызовы судьбы и времени и ценить долговечное — в вещах, в работе, в отношениях.

Это манифест вдумчивой и осознанной жизни от женщины, которая доказала: чтобы высоко держать голову, не нужны горы вещей — нужна внутренняя опора.

УДК 82-94+159.9
ББК 88.353

ISBN 978-5-389-29816-3

© Betty Halbreich, 2025
© Lena Dunham, 2025
© Логинова А., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Колибри®

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Вступление	16
Глава 1. РАБОТА	23
Глава 2. ОДЕЖДА	57
Глава 3. МАНЕРЫ	95
Глава 4. ВЕДЕНИЕ ДОМА	113
Глава 5. ЖИЗНЬ	143
Глава 6. ОДИНОЧЕСТВО	165
Глава 7. СТАРЕНИЕ	205

ПРЕДИСЛОВИЕ

Те из нас, кому посчастливилось знать Бетти Гольбрайх, никогда не смогут забыть ее голос.

В самом деле, где бы вы с ней ни общались — в примерочной Bergdorf, когда она приносила аккуратную стопку платьев, которым «неприменно стоит дать шанс, потому что то, в чем вы привыкли ходить, не работает», или каждое утро в течение сорока лет здоровались с ней, когда она целеустремленно пересекала Мэдисон-авеню, — голос Бетти оставался с вами. Может, по весне она сидела за соседним столиком в бистро и раздавала советы таким бархатным, грудным голосом, что вы ловили каждое слово. Может, вы очутились с ней в одной группе на терапии. А может, она была вашей начальницей или бабушкой или вы брали у нее интервью и задержались часа на три дольше, чем требовалось. Прощаться с Бетти всегда было нелегко — будь то в конце дня или в конце жизни. Хотелось, нет, даже было необходимо заполучить как можно больше того, что она могла дать. Так что вы охотно позволяли ее голосу поселиться у себя в голове.

Всякий раз, когда вы терпите неудачу в деле, которое любите, голос Бетти в вашей голове напомнит, что усердный труд продлевает молодость. Вы не забудете, что даже такая удивительно спокойная женщина, как Бетти, могла признаться, что временами испытывала сильное психическое напряжение или ощущала себя бесполезной. Вы захотите поздороваться с Бетти с той же живостью, с какой это делала она, пусть лишь случайно столкнувшись с ней в лифте универмага или поднимаясь с этажа, где находятся магазины косметики. Услышите, как она ласково, но твердо советует поискать брюки более подходящего вашей фигуре кроя.

Я познакомилась с Бетти в 2013 году, когда огромную популярность приобрела биографическая статья о ней в *New Yorker*, написанная легендарной Джудит Терман. В той статье рассказывалась история женщины, проработавшей в безжалостной модной индустрии до восьмидесяти с лишним лет, а это кое-что, да значит. Казалось, из статьи могло выйти потрясающее телешоу, странное и милое (однако, как я позднее узнала, Бетти не была ни странной, ни милой — скорее элегантной и сильной духом). Также я поняла с первой встречи, и за более чем десятилетнюю дружбу, имевшую для меня огромное значение, не раз убеждалась: обаяние Бетти, ее магия не имели ничего общего с возрастом. При этом они были во многом связаны с ее умением удерживаться на плаву. Мы попытались написать об этом историю в виде сериала: из домохозяйек — в бизнес-леди, из помощниц — в наставницы (хотя она заявила: «Никто не станет смотреть про восьмидесятилетнюю женщину, не в этой Америке», — и, как обычно, оказалась права).

И потом, сама Бетти написала свою историю лучше, чем кто-либо еще: годы, которые она прожила как преданная

жена и любящая мать, глубокое потрясение после развода и обретение себя вновь в роли персонального ассистента по покупкам. Она столь удачно заняла эту нишу не только благодаря модному чутью (исключительному, как и все у Бетти), но и умению читать людей, как книги, выявлять их потребности и понимать, как мода — и она сама — могут сделать так, чтобы им стало легче.

Оттого-то она и работала под вывеской «Лучший выход». Платье выпускницы — больше, чем платье для выпускного. Траурный наряд для поминок по гулящему супругу должен говорить о многом. Да, покрой и посадка по фигуре, понимание которых Бетти оттачивала каждый день, ходя по магазину и трогая каждую вещь так, как пожимают запястье новому другу, важны. Но не менее важно и то, какую историю рассказывает тот или иной образ, что мы хотим показать другим и что ощущаем, глядя на себя в зеркало.

Встреча с Бетти и для меня стала лучшим выходом.

За последние десять лет находиться рядом с Бетти стало неотъемлемой частью того, чтобы быть Леной. Она помогала мне переосмыслить себя — восхваляя целительную силу работы, бесконечно восхищаясь видом из окна своего офиса или давая исключительно здравые советы во времена перемен или разочарований. И делала Бетти это в такой прямолинейно-грубоватой манере, что щеки краснели (может, слова «пропесочить» она и не употребляла, но делала это виртуозно).

Она не собиралась радикально менять мой стиль (хотя ходить с ней по универмагу было настоящим удовольствием — не столько потому, что она наизусть знала весь ассортимент, сколько для того, чтобы увидеть, как она здоровается с каждым сотрудником, как все наслаждаются ее присутствием). По правде говоря, она даже

не пыталась этого делать. Мне она сказала, что заглушать индивидуальность — не ее работа: она лишь помогает тем, кто все еще ищет собственный голос в отношении одежды (тем не менее ей хотелось, чтобы я подыскала себе более подходящий фасон брюк). Но во время долгих совместных трапез и многочасовых телефонных звонков через Атлантику ей удавалось дотянуться до того, что ограничивало меня, мешало жить. Она знала, как изменить взгляд женщины на мир с помощью одного-единственного платья, и точно так же — с хирургической точностью — понимала, как именно мне больно, стыдно и страшно. Ей тоже приходилось испытывать подобное. За чаем в кафе универмага она переодевала мою душу. Мне всегда становилось легче, будто я сняла тяжелую зимнюю шубу и надела элегантный блейзер (сама она всегда носила атласные от своих любимых Libertines, с неожиданными ювелирными акцентами).

«Я тебя очень люблю», — говорила я ей. «Возьмись за ум», — отвечала она.

Ее книги — что-то вроде приглашения на те самые долгие обеды: своим читателям она даст тот же мастер-класс, помогая освободиться, встретить настоящую себя, отбросить традиционные представления о женских обязанностях, мешающие самореализации, найти что-то свое. Бетти давала мудрые советы, но не поучала. Была острой на язык, но не грубой. Сильной, но уязвимой. Всегда работала над собой — даже в возрасте, когда, казалось бы, можно уже и забронзоветь.

Мне остается лишь надеяться подняться к тем же вершинам, какие покорились Бетти: в смысле не только возраста и достижений, но и самореализации. Мне не доводилось знать другой женщины, в чьей природе столь же сильно проявлялось бы женское начало. Она всегда напоминала

мне, что есть к чему стремиться — но также призывала оглянуться вокруг. Не будь ее, я бы, на удивление, многого не замечала. И носила бы ужасные штаны.

Эта книга дарит вам нечто особенное: отныне и с вами будет жить голос Бетти.

Когда я писала это предисловие, я уже знала, что мы прощаемся с Бетти — во всяком случае, согласно западному пониманию жизни и смерти. И хотелось написать то, что ее потрясающие дети, Кэти и Джон (первая — влиятельный нью-йоркский куратор и консультант благотворительных программ, эталон художественного вкуса, второй — член добровольной пожарной бригады и сотрудник скорой помощи: они как две стороны медали внутренней жизни Бетти) могли бы прочесть ей вслух, чтобы она поняла, какое большое место занимала в моей жизни. При этом я старалась не касаться темы ее хрупкости, того, что ей не суждено собрать сумку и покинуть больничную палату, вернувшись в просторную квартиру с отлично сочетающимися цветочными мотивами в интерьере, квартиру, в которой она до конца жизни тщательно убиралась без посторонней помощи. Я старалась писать, употребляя глагол «быть» в настоящем времени, надеясь, что это отсрочит неизбежное.

Если смерть человека в возрасте девятинадцати лет кажется невозможной, это многое говорит о его жизненной силе. Но Бетти Гольбрайх сделала невозможное. И если знать хоть немного о жизни Бетти, понимаешь: она делала невозможное, лишь пожав плечами.

Она начинала звонок словами: «И что мне с тобой делать, девочка моя?», а заканчивала: «Не пропадай надолго, мне ведь, сама понимаешь, скоро [вставить возраст]».

Вот ее последнее сообщение:

Дорогая моя умница Лена.

Скучаю по твоему голосу.

Книга отдана в редактуру.

Было легко, так что,
надеюсь, вышло нескучно.

Ты приедешь домой
этим летом?

Люблю тебя,
что бы ни случилось.

Бетти

Я буду скучать по тому, как поднималась на лифте в ее офис, по королевскому приему, который она получала, когда шла по этажам: сумочки, салон дизайнерской обуви, — и вот вы на третьем этаже: новинки дизайнерских коллекций и «Лучший выход» Бетти Гольбрайх.

Мне будет не хватать удивительной силы ее объятий: как с такой птичьей хрупкостью она могла обнимать сильнее, чем мужчины втрое крупнее?

Буду скучать по ее номеру 212, по строгому «девочка». Мне будет не хватать этой простой уверенности, что ее утро начинается на Пятой авеню, а вечер заканчивается там же.

Но пока стоит Bergdorf, пока есть Пятая авеню и остров Манхэттен, пока звучит «девочка», Бетти будет здесь. Наверное, сейчас она идет мимо стойки с хот-догами и машет: мне пора, дела, дела.

Есть нечто прекрасное в том, чтобы умереть в возрасте, в котором и надо бы умирать, зная, что сделал все: и хорошее, и плохое, и модное. Пусть даже все в порядке, но кажется, что нет. Это праздник, но я не могу не замечать праха.

*Лена Данэм
Сентябрь 2024 года*

ВСТУПЛЕНИЕ

Мне всегда хотелось обратиться ко всем одиноким. Убеждена: многие из тех, кто знает меня, и не подозревают о том, что со мной на самом деле. В укромном уголке на третьем этаже универмага Bergdorf Goodman, откуда я, будучи первым профессиональным шопинг-консультантом, полвека наблюдала за тем, как менялись мода и жизнь. Я построила карьеру, давая жесткие, но честные советы. По правде говоря, это не столько про одежду. Во многом приходится иметь дело с человеческой природой.

Когда магазин впервые взял меня на работу управляющей бутика Джеффри Бина, мне было уже сорок девять. Я успела прожить целую жизнь, в которой были муж, дом, дети и даже собака. Дети на тот момент уже выросли и жили отдельно. Муж тоже. В квартире остались только мы с собакой, и никто из нас двоих не был в восторге от перемен. У меня случился нервный срыв, и я попала в психиатрическую клинику. Именно после этого я и начала работать в Bergdorf. Согласна, вот уж перемены так перемены. Хотя я терпеть не могла торговый зал (и не дружила с кассовым аппаратом, поскольку не любитель

сложения и вычитания), но мне ужасно нравилось помогать женщинам выглядеть и чувствовать себя как можно лучше. Я пошла к руководству и предложила организовать персональные консультации для покупателей. Как говорится, дальнейшее принадлежит истории. Древней истории.

Поскольку по натуре я человек, которому даже в девяносто шесть нужно постоянно чем-то заниматься как физически, так и умственно, большинство считает меня сильной. О, как бы мне хотелось, чтобы это было так! Многие в жизни бы не догадались, что я лежала в клинике. Всем известно, что у меня «глаз наметан», а вот голове своей доверяю с большой осторожностью. Я научилась справляться с настоящим, не переставая осмыслять прошлое. Стараюсь не заикливаться: это несколько не помогает. Каждый день я говорю себе: «Вперед!» — и мрак рассеивается. Эти сорок восемь лет в магазине я работала не покладая рук: работа меня любила и по большей части благотворно влияла на меня.

Весной 2020 года на мир свалился новомодный вирус и Нью-Йорк закрылся на карантин. Магазин тоже. Школы, банки, музеи, Бродвей — все закрылось. В суматошном городе, который я зову своим домом с тех пор, как больше семидесяти пяти лет назад уехала из родного Чикаго, выйдя замуж за ньюйоркца, вдруг воцарилась мертвая тишина. Она перестала быть чем-то только для стариков.

В месяцы, когда лишь представителям служб жизнеобеспечения было позволено свободное передвижение, я, точно призрак, блуждала по квартире, слишком большой для меня одной. Дом, где я прожила почти все то время, как я живу на Манхэттене, опустел: его жители разбежались по своим вторым домам и местам, где климат поприятнее. К маю мне казалось, что остались лишь я и консьержи. И они переживали, когда я не спускалась в холл забрать почту или постоять лицом к Парк-авеню, чтобы поймать немного солнечных лучей.

Никогда прежде мне не было так одиноко, и это о чем-то говорит, учитывая то, что я почти полвека жила одна. Неустанный стремление к чистоте — я нет-нет, да и найду где-нибудь комок пыли, — помогло мне принять одиночество как цену за то, что я живу так, как хочу. По вечерам я взбиваю одну подушку, но не две. Посторонние приводят меня в бешенство. В каком-то смысле это эгоистично, с другой стороны — помогает выжить.

Локдаун во время пандемии был совсем другим: мне казалось, что весь мир меня бросил.

Однажды я взяла ручку и блокнот формата А4. Начала писать заметки о странном и страшном времени, когда, казалось, во всем Верхнем Ист-Сайде не осталось никого, кроме меня и консержей. Как пустыньны были улицы. Эти записи помогали мне не поддаваться страху и одиночеству, возникшими из-за глухой изоляции. Когда стало невыносимо описывать ежедневные разговоры с консержами в масках или вновь охватившую людей страсть к готовке, о чем я узнавала из бесчисленных телефонных разговоров, мои ежедневные заметки в блокноте начали наполняться воспоминаниями. Об ужинах, съеденных в детстве в одиночестве, о богато сервированных столах на званых обедах, которые я устраивала, будучи новоиспеченной супругой, погружение в деловой мир в зрелом возрасте. За девяносто шесть лет накопилось множество чувств. Я начала писать, чтобы успокоить нервы и чем-то занять долгие пустые дни, не представляя, что это может стать утешением для кого-то.

Хотя с тех пор я давно вернулась к графику 5/2 и пандемия почти стерлась из нашей памяти, я продолжаю писать каждый день. Желтых блокнотов формата А4, исписанных моей левой рукой, становилось все больше, пока не переполнилась корзинка для бумаг — в буквальном смысле.

Письмо стало частью моей каждодневной жизни; я это люблю и с тех пор ни разу не пыталась прекратить. Это возвращает меня к отрочеству, когда я вела дневник (и запирала его в ящике стола, чтобы никто не мог прочитать). Я очень придирчиво выбираю ручки. Они должны легко скользить по бумаге, иначе я теряю мысль. Это может показаться глупым, ведь большинство сейчас не пишет ручкой на бумаге: все на компьютере, на компьютере! Я никогда не касалась этой машины, как и мобильного телефона — и впредь не намерена.

То, что я не проведу ни дня без строчки, мне и в голову не могло прийти, когда я начинала писать; но, оглядываясь назад, вижу, что это имеет смысл. Хотя я и дисциплинирована (даже чересчур, смею добавить), практика письма превратилась в нечто большее, чем просто силу привычки. Несмотря на то что я кажусь олицетворением «собранности», я — самый хрупкий человек из всех, кого знаю, и вечно опасаясь, что за каждым углом таятся хаос и катастрофа. Оттого-то я и начала писать: боялась, что страх меня доконает.

Не хочу, чтобы показалось, что я ропщу. В некотором смысле так и есть: я знаю, что такое быть сломленной, глубоко несчастной и притом одинокой, не говоря уже о проблемах с физическим здоровьем: большинство людей проходят через это в течение жизни. Однако, день за днем продолжая писать, я отпускаю многое из того, что меня раздражает. Это может показаться упрощением, но, копая глубже, я нашла нечто вроде умиротворения. Написание текстов дает выход многим чувствам, хорошим и не очень. Ослабляет напряжение и нарушает безмолвие. Завершая каждый прожитый день просто тем, что вожу ручкой по бумаге, я хотела бы выразить нечто вроде благодарности... или помолиться.

Окружающие — друзья, даже собственные дети — аплодируют моему усердию и ответственному подходу к заполнению блокнотов. Но никто из них до конца не понимает

той тяги, которая возникает вне зависимости от моего физического или душевного состояния. Словно ручка ведет меня, как волшебная палочка.

Я прожила много жизней. Я все еще помню себя робкой юной невестой, приехавшей из Чикаго в Нью-Йорк, где вырастила двоих детей и развелась с мужем Сонни, заработала нервный срыв и пересобрала себя заново. Я была работающей женщиной и воскресной женой моему другу Джиму: мы никогда не жили семьей в полном смысле слова, но провели много чудесных лет вместе, с пятницы по воскресенье, за городом. Когда его не стало, мне в очередной раз пришлось перестраивать свою жизнь, и я стала тем, кто я есть сейчас, — одиноким человеком.

Я пришла к пониманию того, что смотрю на жизнь с интересом. По большей части мне любопытно все, кто пишет бумажные и электронные письма, подходит ко мне на улицах, даже у женской уборной на работе. Разные люди: молодые и не очень, мужчины и женщины, модники и фермеры — и всем им нужен если не совет, то другая точка зрения. В нынешние стремительные времена многие задаются вопросом: что же будет дальше и что же с ними станет?

В свои девяносто шесть я принадлежу к очень узкой прослойке. Я особенно не размышляю о своем возрасте, но просмотрев длинный список предстоящих визитов к врачу, понимаю, сколько мне лет на самом деле. Голова еще работает, а вот ноги не всегда ей повинуются. Морщинистые руки умрут раньше, чем мозг.

Однако у пожилого возраста есть преимущества. Мы, будем надеяться, обладаем уникальным кругозором хотя бы за счет того, что довольно долго пробыли на этом свете. Возможно, некоторые из нас в старости стали мудрее: у нас было больше времени, чтобы получить это преимущество. Взгляните на все то, чему мы научились, и на огромный

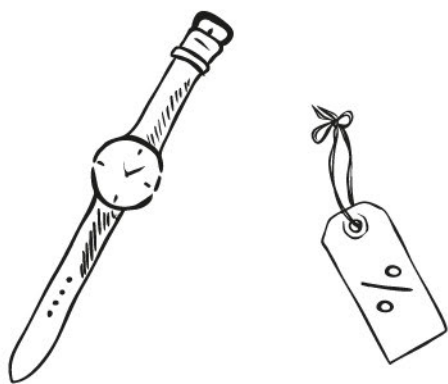
багаж знаний. Не скажу, что в нашем клубе нет ничего пугающего, но я, как никогда, ценю то, что могу ходить на собственных ногах и иметь планы на следующий день.

Я узнала, что бороться со страхом и одиночеством не просто не только в пожилом, но и в любом возрасте. Хотя я и родилась пессимисткой, я верю в перемены отчасти потому, что ощущала их в себе самой, пусть и отчаянно сопротивлялась. Таким взглядом на мир мне и хочется поделиться с такими же одинокими: знаю, вас здесь много. До тех пор, как вы испустите последний вздох, вполне возможно найти новый, более наполняющий путь.

Под этой обложкой — простой рассказ пожилой женщины, ее мысли и важнее всего — ее чувства. Знаю, что не всем придется по вкусу мои взгляды (вероятно, я последний человек на свете, кто отказывается носить шорты, пользоваться сотовым телефоном или работать из дома: я не верю ни в одно из перечисленного). Возьмите, что вам нужно, остальное пусть лежит. Настало мое время отдавать. В это я свято верю. Ведь в конце концов, когда я уйду, я не жду громких похвал. Скорее мне бы хотелось думать о себе как о человеке, всегда открытом для тех, кто во мне нуждался.

Надеюсь, чтение этих мыслей поможет другим так же, как помогло мне то, что я их записываю. Все эти годы, заполняя блокнот за блокнотом, больше всего я боялась, что настанет день, когда писать станет не о чем. Я не могла этого допустить. Даже если мне придется всего лишь записывать то, что я ела на обед, я не оставляю блокнота и ручки, пока не иссякну.

1 глава

РАБОТА

БЫТЬ ЗАНЯТОЙ – МУЧИТЕЛЬНО ПРЕКРАСНО

Суматошный день в офисе ни с чем не сравнится.

Каждый день я прихожу в магазин рано, еще до открытия. Там почти никого нет — ну, может, кроме того, кто пылесосит ковры. Люблю тишину раннего утра. В офисе тихо — не значит скучно. Скорее это ощущается как мирное уединение перед рабочим днем, полным хлопот.

Если же я и натыкаюсь на кого-нибудь, непременно их веселю. Недавно, обходя здание, я встретила маляров, троих славных ребят. Один из них пришел сюда совсем мальчишкой, двадцать лет назад. Столько людей работает здесь долгие годы: ремонтники, декораторы витрин, уборщики, охранники и так далее и тому подобное. Bergdorf Goodman — это в некотором роде семья.

Двое других маляров начали красить стены даже раньше, чем тот «мальчишка». Подумать только: всегда здесь что-то достраивается, отделяется. Стены то возводятся, то рушатся, и так же сменяют один другой бутики знаменитых люксовых марок. За счет прекрасного внутреннего убранства во многом создается роскошь магазина. Другого такого нет.

Научно-популярное издание / Танымал гылыми басылым

ИКОНЫ СТИЛЯ
Бетти Гольбрайх
СТИЛЬ — ЭТО НЕ ПРО ОДЕЖДУ
Уроки жизни, стиля и стойкости от женщины,
которая не поддавалась трендам

Руководитель направления *Ирина Мажаева*
Ответственный редактор *Анастасия Гусева*
Дизайнер обложки *Михаил Левыкин*
Верстальщик *Виктория Ермак*
Технический редактор *Ксения Кочурина*
Корректоры *Анастасия Мартинус Рохас, Татьяна Филипова*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.12.2025.

Формат 84 × 108 1/32. Гарнитура «Garamond Premier Pro».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.

Тираж 3000 экз. W-LUX-38950-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

